

УМЪ ХОРОШО, А ДВА ЛУЧШЕ.

1846.

Въ 1846 году, къ которому относится, какъ можно полагать, нижепомѣщаемая статья, наиболѣе крупными представителями различныхъ направленій въ нашей журналистикѣ были три періодическія изданія: «Отечественныя Записки», «Москвитянинъ» и «Сѣверная Пчела». Авторъ, принадлежа къ партіи «Отечественныхъ Записокъ», во главѣ которой стоялъ Бѣлинскій, находился во враждебныхъ отношеніяхъ какъ къ «Сѣверной Пчелѣ», такъ и къ «Москвитянину». Въ статьѣ: «Умъ хорошо, а два лучше» пронія устремлена на литературныхъ противниковъ «Отечественныхъ Записокъ», на издателей и сотрудниковъ «Москвитянина» и «Сѣверной Пчелы».

Литературная и общественная дѣятельность редактора «Сѣверной Пчелы», Булгарина, давно уже была предметомъ ожесточенныхъ нападокъ нашей журналистики. Съ легкой руки Пушкина, на Булгарина носыпались эпиграммы и полемическія статьи. Болѣе или менѣе остроумные камни, бросаемые въ Булгарина, задѣвали и Греча, какъ друга и постояннаго сотрудника Булгарина. При всѣхъ несомнѣнныхъ достоинствахъ и заслугахъ Греча по изученію языка и собранію матеріаловъ для исторіи русской словесности, при его умѣ и добромъ сердцѣ, Гречъ не избѣжалъ самыхъ рѣзкихъ нападеній, и преимущественно потому, что на него смотрѣли какъ на двойника Булгарина. Ихъ взаимныя отношенія черезчуръ отзывались сентиментальностью, а завсѣващія восхваленія Булгаринимъ своего друга до того наивны, что такъ и просятся подъ перо сатирика. Самъ Ѳ. В. Булгаринъ слѣдующимъ образомъ рассказываетъ о своемъ знакомствѣ и сближеніи съ Н. И. Гречемъ:

«Я познакомился съ Н. И. Гречемъ 5 февраля 1820 года. Постороннее дѣло привело меня въ его кабинетъ. Мы сами до сихъ поръ не знаемъ и не постигаемъ, какъ это случилось, что при первомъ свиданіи мы такъ пришли другъ другу по плечу и по сердцу, что просидѣли нѣсколько часовъ, въ жару разговора стали говорить другъ другу ты, и разстались искренними друзьями! Въ первое наше свиданіе мы, такъ сказать, проэкзаменовали другъ друга въ нашемъ образѣ мыслей, въ нашихъ понятіяхъ о различныхъ предметахъ, и результатъ этой взаимной исповѣди былъ тотъ, что мы обнялись и сдѣлались неразлучными. Во всякомъ случаѣ одинъ готовъ былъ жертвовать всѣмъ для другаго. Оба пылкіе и горячіе, мы можемъ сердиться другъ на друга, но не любить другъ друга мы не можемъ. Всю честь этой едвали не безпримѣрной дружбы между литераторами и журналистами приписываю я Н. И. Гречу. Ему труднѣе было справиться съ уланомъ, который въ теченіе десяти лѣтъ

спраду жить въ пороховомъ дымѣ, нежели мнѣ съ литераторомъ, ратоборствовавшимъ только на бумажномъ поприщѣ ¹⁾».

Булгаринъ посвятилъ Гречу своего «Димитрія Самозванца»; Гречъ въ знакъ благодарности посвятилъ Булгарину «Поѣздку въ Германію» (романъ въ письмахъ). Гречъ надаѣлъ «Русскую грамматику»; Булгаринъ пишетъ къ ней предисловіе, и полагая, что обязанность истиннаго друга состоитъ въ томъ, чтобы говорить правду, поясняетъ, что другъ его въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ слѣдилъ за успѣхами русскаго языка, наблюдалъ духъ его, извлекая отовсюду правила, въ самыхъ ошибкахъ почерпая наставленія, и т. д. ²⁾).

Понадобилось приложить біографію Греча къ изданію его сочиненій, и услужливый Булгаринъ принялъ на себя роль жизнеописателя своего друга. «Когда издатель твоихъ сочиненій—обращается Булгаринъ къ Гречу—прилагая къ нимъ твой портретъ, то должно приложить и біографію». — «Помилуй, статочное ли это дѣло—сказалъ Гречъ—могу ли я самъ писать свою біографію». — «Не ты долженъ писать, а нашушу я, другъ твой и товарищъ въ теченіе восемнадцатилѣтней литературной жизни». — «Но что скажутъ люди о біографіи, написанной другомъ»? — «Неужели же ты хочешь, чтобъ біографіи наши писали враги? Довольно лжей и клеветъ разсѣяно объ насъ по свѣту: пусть же хоть разъ появится правда. Почти во всѣхъ иностранныхъ энциклопедическихъ и біографическихъ лексиконахъ напечатаны наши біографіи неполныя или искаженныя, а московскіе наши пріятели не устыдились даже напечатать на насъ за границею самый гнусный пасквиль, поручивъ редакцію полуграмотному израильянину. Это самое возлагаетъ на меня обязанность высказать истину». Гречъ махнулъ рукою и сказалъ: «дѣлай что хочешь; пиши, печатай, все позволяю—тебѣ въ угоду» ³⁾).

Въ статьѣ, впервые печатаемой нами, упоминается, между прочимъ, о заграничномъ путешествіи Греча и о весьма остроумной критикѣ на книгу Греча, помѣщенной Шевыревымъ въ «Москвитининъ». Гречъ объѣздитъ Германію, часть Швейцаріи и Италію. «У г. Греча—говоритъ Шевыревъ—есть свой взглядъ на Италію. Трудно опредѣлить и назвать его, а мы бы назвали этотъ взглядъ полицейскимъ—и нельзя иначе. Г. Гречъ, можно сказать, путешествовалъ въ Италію по части порядка, чистоты и опрятности. Вотъ первыя слова его объ Италіи, когда онъ въ нее въѣхалъ: «исчезаетъ нѣмецкая опрятность, и начинается итальянская нечистота; умывальники стоятъ не на столѣнкахъ, а на какихъ-то высокихъ таганахъ; каждую посудину должно переимтъ и перетереть, чтобъ не съѣсть или не выпить чего-нибудь лишняго... Сходя съ крыльца готовился я найти на улицахъ Рима то же, что и въ Неаполѣ: нечистоту, беспорядокъ, шумъ, смрадъ, убожество и нищенство. Ничуть не было. Улицы не очень широкія, но прямыя, опрятныя, обстроеныя благообразными домами» и т. п. ⁴⁾).

Преслѣдуя смѣшныя стороны въ путевыхъ замѣткахъ Греча, Шевыревъ

¹⁾ «Къ портрету Николая Ивановича Греча». Оадеа Булгарина. 1838. Стр. 18—20.

²⁾ Пространная Русская Грамматика, изданная Николаемъ Гречемъ. Т. I. Изд. 2-е. 1830 стр. III—XII.

³⁾ «Къ портрету Н. И. Греча» стр. 1—3.

⁴⁾ «Москвитининъ», 1843. Часть V. Критика: Обзоръніе словесности русской за 1842 годъ, стр. 435—447.

въ свою очередь не былъ пощажень прошею его противника. Въ той же статьѣ есть нападки и на Шевырева и на нераздѣльнаго съ нимъ по журналистикѣ г. Погодина. Но въ основѣ враждебныхъ отношеній сотрудника «Отечественныхъ Записокъ» къ сотрудникамъ «Москвитянина» лежала мысль болѣе серьезная, нежели въ обыкновенной журнальной перебранкѣ. Вражда вытекала изъ противоположности во взглядѣ на умственную и общественную жизнь русскаго народа.

Представители двухъ враждебныхъ направленій, рѣзко обозначившихся въ литературѣ того времени, извѣстны подъ именемъ западниковъ и славянофиловъ. Авторъ статьи: «Умъ хорошо, а два лучше», по своимъ понятіямъ и сочувствіямъ, принадлежалъ къ западникамъ, и слѣдовательно былъ, въ болѣе или меньшей степени, врагомъ славянофиловъ. Но ратуя противъ нихъ, онъ убѣжденъ былъ въ чистотѣ ихъ стремленій и непоколебимости дѣйствій и если возставалъ противъ нихъ, то только потому, что дѣятельность ихъ, по его понятію, вела къ послѣдствіямъ и выводамъ, совершенно противоположнымъ съ тѣми, которыхъ ожидали и желали лучшіе представители славянофильства. Онъ признаетъ за ними честность и независимость убѣжденій, но ставитъ имъ въ вину то, что они возможное смѣшиваютъ съ действительнымъ, а неуспѣхъ ихъ въ литературѣ объясняетъ тѣмъ, что въ средѣ ихъ не было публицистовъ, и притомъ люди даровитые хранили упорное молчаніе, а бездарность неутомимо подвизалась на журнальномъ поприщѣ. Авторъ печатаемой нами шутки нападаетъ на «Москвитянина» за высказываемое этимъ журналомъ нерасположеніе къ западной Европѣ.

Выходки противъ Шевырева относятся преимущественно къ его «Исторіи русской словесности», съ намеками на его попытку ввести въ русскій языкъ итальянское стихосложеніе. Трудъ Шевырева, занимающій почетное мѣсто въ исторіи науки, вышелъ подъ названіемъ: «Исторія русской словесности преимущественно древней». По литературнымъ понятіямъ того времени не допускалось самаго существованія древней русской литературы, и первый опытъ ся исторіи, вышедшій за тѣсколько лѣтъ до книги Шевырева и принадлежавшій Максимовичу, рецензенты называли исторіею небывалой словесности. Тогдашняя критика, руководимая авторитетомъ Гегеля, къ которому пыталась слѣпое довѣріе, допускала литературу только у народа, каждое дѣйствіе котораго вызывается на свѣтъ идеею и исполнено внутренняго значенія, и т. п. Исторію древней русской словесности Шевыревъ излагалъ на публичныхъ чтеніяхъ; но какъ изустное изложеніе быстро улечивается, то онъ рѣшился написать свои лекціи и издать ихъ въ свѣтъ. Онѣ изданы въ 1846 году и впоследствии вышли вторымъ изданіемъ.

Шевыревъ подробно и горячо доказывалъ полную возможность ввести итальянскую октаву въ русское стихосложеніе*). По его мнѣнію пятистопный ямбическій стихъ, преобразованный въ одиннадцатисложный итальянскій, согласно съ правилами русскаго народнаго стихосложенія, можетъ у насъ образовывать октаву. Для устраненія препятствій онъ совѣтуетъ не стѣсняться трудностью въ подборѣ рѣимъ. Онъ говоритъ: «неясное произношеніе на концѣ словъ вредитъ гармоніи нашего языка: извлечемъ изъ сего недостатка по крайней мѣрѣ пользу для рѣимаря. Итакъ: утѣшенъе и наслажденъя; надо

*) «О возможности ввести итальянскую октаву въ русское стихосложеніе», смотр. «Телескопъ». 1831. Часть 3-я, №№ 11 и 12.

и отрада; мало и стала, да приемются смѣло. Нѣкоторые литераторы на-
падаютъ еще на приемы изъ составныхъ словъ съ частицами, какъ напр.: хочу
я и ношуя, Юлія и могу ли я; но я укажу имъ въ примѣръ Данта, который
переноситъ половину слова въ другой стихъ», и т. п. Для образца Шевыревъ
приводитъ вѣсколько строфъ изъ седьмой пѣсни «Освобожденнаго Іерусалима»,
переведенныхъ октавами:

Межь тѣмъ Эрминія между кустами
Въ дремучій лѣсъ конемъ занесена;
Рука дрожитъ, чуть шевеля браздами—
И ни жьва, и ни мертва она.
Лихой бѣгутъ безвѣстными путями .
Все далѣ въ лѣсъ, гдѣ чаще глубина,
Пока совѣмъ умчался отъ погони.
И тщетно бы за нимъ скакали кони...

Редакторъ «Москвитянина» во время своего заграничнаго путешествія велъ
дорожный дневникъ, который впоследствии и напечаталъ. Желая сохранить
слѣды живого впечатлѣнія, авторъ, по его собственнымъ словамъ, оставилъ
на поживу рецензентамъ разныя мелочи и частности, лично до него относя-
щіяся, въ родѣ слѣдующихъ: «Въ Подебрадѣ обѣдали и очень плохо... Я иззябъ
ходя вездѣ въ лѣтнемъ сюртукѣ, и между тѣмъ какъ Пуркыня, столь же легко
одѣтый, не чувствовалъ ни малѣйшей стужи, у меня зубы едва попадали другъ
за друга... Такой сюртукъ принесъ мнѣ, что чудо: фасонъ на всю жизнь; за-
стегивается вплоть до подбородка; длиненъ по каблукъ; кармановъ съ дюжину;
куда ни сунешь рукой незначай, вездѣ найдешь квартиру; надѣвается на дру-
гой сюртукъ. А стоитъ на ватѣ рублей 80; жилетку принесъ—съ длинную
куртку или старый камзолъ... Задобривъ своего хозяина похвалами и обѣща-
ніемъ прославить его въ будущемъ описаніи моего путешествія, я спросилъ
его, по совѣсти, сколько надо давать вообще прислужникамъ на водку, чтобъ
было ни слишкомъ мало, ни слишкомъ много? По полгульдену дворнику, гор-
ничному и кельнеру, т.-е. по 30 коп. или круглымъ счетомъ по рублю на
всѣхъ», и т. д.*).

Авторъ не даромъ сузилъ богатую поживу своимъ рецензентамъ. Явилась
тогда же пародія на дорожный дневникъ; шутка была названа путевыми записка-
ми Вѣдрина—литератора, объѣхавшаго съ большою пользою многія страны, и из-
дающаго свои путевыя записки отчасти для пользы и удовольствія читателей,
отчасти для покрытія издержекъ, неминуемыхъ при путешествіяхъ. Вотъ нѣ-
сколько отрывковъ изъ записокъ Вѣдрина:

«Клопы не дали спать всю ночь. Скверное настьемое! Говорятъ, на Дер-
беновѣ грузинъ продаетъ кавказскій порошокъ, уничтожающій клоповъ, да
страшно дорого—рубль серебромъ фунтъ, а тамъ выдохнется, перестанетъ
дѣйствовать. Но все къ лучшему. Вскочилъ въ 5, умылся и въ Рогожскую
искать товарища. Долго толкался. Что за лихой народъ извозчики! Борода,
кушакъ... Размечтался и вспомнилъ Кеппена брошюру о курганахъ. Товарищъ
попался, кунаецъ изъ Нижняго, съ брюшкомъ, говоритъ на о. Потолковали,
сладили, черезъ часъ ѣдемъ. Домой за чемоданомъ—далъ страшная, хотѣлъ
взять извозчика—очень стали дороги, 25 коп. серебромъ, меньше ни одинъ

* «Годъ въ чужихъ краяхъ» (1839). Дорожный дневникъ М. Погодина. 1844,
ч. I, стр. 96—97, 90 и др.

взять не хотѣлъ... Товарищъ мой человѣкъ тихой, занимаетъ три четверти повозки, платитъ половину... Ъхали на вольныхъ. Постоялый дворъ съ рѣзкими украшениями. У воротъ хозяинъ съ рыжей бородой, на лицѣ написано ворыеголюбие; не пойду... Остался въ повозкѣ—наблюдать нравы. Нищія помѣшали досмотрѣть. Отвратительная привычка у нищихъ просить у проѣзжаго: проѣзжому мелкія деньги нужны—не крупныхъ же дать. Надоѣли—притворился соннымъ, помѣшали и тутъ: ящичекъ разбудить, требуя на водку—еще северный обычай! что у нихъ за служеніе мамону. Далъ три коп. серебромъ, что составляетъ на ассигнаціи десять съ моловиной. Жалѣлъ. Пошелъ дождь—промочилъ до костей. До второй станціи ничего особеннаго. Купецъ вылезалъ изъ повозки, такъ не надолго. Чѣмъ свѣтъ разбудилъ товарищъ и предложилъ выпить чаю; я не отказался: я люблю пить чай съ кѣмъ-нибудь и т. д. въ такомъ же родѣ*).

Авторъ «Записокъ Ведрина» не забылъ предмета своей пародіи и въ юмористическомъ очеркѣ: «Умъ хорошо, а два лучше».

Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ написанъ этотъ очеркъ. И авторъ, и тотъ, кому посвящена статья, и тѣ, противъ которыхъ она направлена, сошли уже въ могилу за исключеніемъ М. П. Погодина, пощаженнаго временемъ на пользу и славу русской науки и литературы. Мы увѣрены, что почтенный ветеранъ не помянетъ насъ лихомъ за легкую шутку давно миновашаго времени, имѣющую интересъ единственно въ смыслѣ эпизода изъ журнальныхъ усобицъ, происходившихъ въ нашей литературѣ.

М. И. С.

Умъ хорошо, а два лучше, въ особенности лучше для издавiя журнала. Наболѣе читаемые и уважаемые журналы издавались всегда у насъ парю литераторовъ: „Сѣверная Пчела“, „Маякъ“, „Москвитянинъ“. Г. Сенковскій зналъ это, и за неимѣніемъ alter ego онъ самъ раздвоился какъ Гофмановъ Медардусъ, и издавалъ „Библиотеку для Читенiя“ съ барономъ Брамбеусомъ; время славы и величiя этого журнала было временемъ товарищества съ Брамбеусомъ. „Маякъ“ явнымъ образомъ сталъ тускнеть съ тѣхъ поръ, какъ издается однимъ г. Бурачкомъ; даже признаки бѣшенства, прорывавшіеся въ литературныхъ обзорахъ „Маяка“, мнѣ кажется, происходятъ отъ одиночества. Но на верху литературной славы теперь, какъ и прежде, два журнальные брака: Николай Ивановичъ Гречъ и Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ—въ Петербургѣ, Степанъ Петровичъ Шевыревъ и Михаилъ Петровичъ Погодинъ—въ Москвѣ. Московская чета, впрочемъ, не такъ еще извѣстна, какъ наши добрые, любимые Филемонъ и Баввида журналистики, а потому параллельное разсматриваніе той и другой пары, не лишено занимательности. Плутархъ любитъ сравнивать одинъ на одинъ великихъ людей: мы, во всемъ опередившіе древній міръ, можемъ ихъ сравни-

*) «Отечественныя Записки». 1843. Т. XXXI. Смѣсь: «Путевыя записки г. Ведрина» (отъ ведро—погода) стр. 58—60.

вать поварно. Конечно, наши пары, при всемъ авторскомъ пристрастїи къ предмету, не совсѣмъ плутовскіе герои. Одинъ изъ четырехъ уважаемыхъ нами литераторовъ можетъ имѣть на это притязаніе и даже неотъемлемое право, это — Фаддей Венедиктовичъ. Въ его жизни есть что-то античное; онъ, какъ Сократъ, знакомъ не только съ нравственною философїей, но и съ мечемъ; не только съ однимъ, но и съ двумя; но это выходитъ изъ круга нашей параллели.

Начнемъ съ главнаго. Четыре героя, составляющіе двѣ пары, — люди вселенской извѣстности: г. Булгаринъ переводится г. Меццофанги; г. Гёте упоминаетъ о г. Шевиревѣ; г. Шеллингъ спрашиваетъ о философскихъ статьяхъ г. Погодина; г. Гречъ усердно кланяется г. Гизо. Но въ ихъ отношеніяхъ къ Европѣ койдуръ отбѣнки, которые необходимо уловить.

Гречъ и Погодинъ обтекаютъ часто разныя страны; Булгаринъ и Шевиревъ обтекли ихъ и усповоились. Гречъ, по прекрасному выраженію „Москвитяина“, разсматривалъ Европу въ полицейскомъ отношеніи, обращая всего болѣе вниманія на чистоту и порядокъ. Погодинъ ее же разсматриваетъ съ экономической точки зрѣнія — въ отношеніи дешевизны и дороговизны предметовъ, нужныхъ путешественнику. Булгаринъ любитъ вспоминать (точно маршалъ Сультъ), что онъ былъ въ Испаніи, а Шевиревъ никогда не забываетъ, что онъ былъ въ Италіи.

Европу всѣ четверо не любятъ, но каждый посвоему. Въ этихъ точкахъ пересѣченія легко измѣрить всю необъятную противоположность ихъ. Самыя средства, которыми они хотятъ отворотить добрыхъ людей отъ Запада, разны. Такъ г. Гречъ останавливаетъ васъ, обращая вниманіе на слабое полицейское управленіе, на нечистоту улицъ. Г. Погодинъ стремится застрашать дороговизной и издержками. Г. Шевиревъ съ ужасомъ указываетъ на развратъ мншленія, на порокъ логикн, овладѣвшей Европою. Г. Булгаринъ своимъ собственнымъ приѣромъ — патриотизмомъ „Сѣверной Пчелы“ заставляетъ любить и предпочитать Петербургъ всему міру. Приэтомъ каждый изъ нихъ мнуетъ на Западъ какую-нибудь страну. Степанъ Петровичъ любитъ Италію, поющію одавы; Фаддей Венедиктовичъ и Николай Ивановичъ — нравственно-семейную Германію; Михаилъ Петровичъ — западныхъ славянъ, потому что считаетъ ихъ восточными.

Также, какъ Европу, они не любятъ и современную науку, и не только не любятъ, но и не знаютъ ее, — да и зачѣмъ же знать то, чего не любимъ?... Гречъ и Погодинъ не бранятъ науку, потому что они считаютъ себя выше ея; они на нее смотрятъ, какъ мы смотримъ

на азбуку — нѣсколько съ улыбкой, и въ этой улыбкѣ видно гордое сознание: „мы-де знаемъ что тамъ написано — насъ не проведешь“. Они развили въ себѣ высшіе интересы, передъ которыми интересы науки — ребячество. Гречъ иногда даже защищаетъ науку: отдавать справедливость врагамъ — свидѣтельство сердца, полного благородствомъ, откровенностію и прамодушіемъ, — качества, отличавшія всегда греческую исторію и исторію Н. И. Греча. Степанъ Петровичъ не таковъ: онъ хорошаго слова о западной наукѣ не скажетъ; у него есть своя, словенская, наука, не писанная, не существующая, а словенская; въ ея-то пользу онъ готовъ выдать за общество фальшивыхъ монетчиковъ или зажигаателей всѣхъ послѣдователей презрѣнной и писанной науки. Гибъвъ Шевырева какой-то католическій: онъ обучился ему въ Итали. Фаддей Венедиктовичъ, это — петербургскій Скворода, невскій Коцебу; его наука — практическая мораль; о теоріи, системѣ, методѣ не надобно и спрашивать; онъ рѣдко говоритъ о наукѣ; она слишкомъ безлична, чтобъ сердить его, а когда и ругнетъ ее, то наскоро, имѣя въ виду нравственную цѣль.

Гречъ и Шевыревъ — филологи и грамматикѣ. Шевыревъ — первый профессоръ элоквенціи послѣ Тредьяковскаго; онъ читалъ въ Москвѣ публичныя лекціи о русской словесности преимущественно того времени, когда ничего не писали, и его лекціи были какой-то дѣтской пѣснью, пѣтой чистымъ соргапо, напоминающимъ папскіе дисванты въ Римѣ. Гречъ публично же читалъ въ Петербургѣ поэзію грамматикѣ, и тронулъ всѣхъ, доказывая, какъ счастливъ долженъ быть тотъ народъ, который такъ хорошо, какъ мы, спрягаетъ глаголы. Погодинъ и Булгаринъ — историки, но съ разныхъ концовъ: одинъ идетъ отъ происхожденія Руси до X вѣва; другой — отъ нашего благополучнаго времени до 1810 года и даже до аустерлицкой битвы. Погодинъ впрочемъ не только не участвовалъ въ Юриковскую эпоху, но и издавалъ больше общинно-историческіе труды, а Фаддей Венедиктовичъ участвовалъ самъ въ важнѣйшихъ событіяхъ нашего вѣва; онъ сперва сдѣлалъ современную исторію, а потомъ началъ писать объ ней.

Главная цѣль трудовъ знаменитыхъ литераторовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, знакомить міръ съ Россіей. Если имъ и не удается, то намѣреніе похвально. Съ этою цѣлію Гречъ издалъ формулярные списки всѣхъ авторовъ русскихъ; Булгаринъ составилъ книгу о Россіи, которую врядъ-ли читалъ и самъ Гречъ; Погодинъ приобрѣлъ извѣстность своими неизданными трудами; Шевыревъ возстановляетъ Русь, которой не было и — слава Богу — никогда не будетъ.

Союзъ г. Погодина съ г. Шевыревымъ — *matrimonium secretum*, союзъ г. Булгарина съ г. Гречемъ — открытый конкубинатъ. Нѣтъ ни одного

человѣка въ Москвѣ, который бы умѣлъ врознь понять Минина и Пожарскаго — такъ, какъ нѣтъ ни одного человѣка въ Петербургѣ, который бы умѣлъ понять врознь Греча и Булгарина, хотя бы одинъ жилъ для удовольствія и нравственныхъ наблюдений въ Парижѣ, а другой — для нравственныхъ наблюдений и для удовольствія въ Дерптѣ. Г. Шевыревъ какъ-то было охладѣлъ къ брачному ложу, т.-е. къ „Москвитянину“: сейчасъ начали выходить уроды, двойни; новая программа утѣшила всѣхъ: Степанъ Петровичъ оттого не занимался, что увлекся своимъ краснорѣчіемъ и сталъ записывать свои слова (собой восхищаться запрещаетъ Тассо); теперь онъ опять готовъ исполнять брачно-литературныя обязанности. Гречъ и Булгаринъ издають съ примѣрнымъ мужествомъ и самоотверженіемъ „Сѣверную Пчелу“ для того только, чтобъ въ ней высказывать тѣ сильныя убѣжденія, которыя легли краеугольнымъ камнемъ ихъ нравственно-сатирическимъ существованіямъ. Степанъ и Михаилъ Петровичи съ еще болѣе примѣрнымъ упорствомъ и безкорыстіемъ издають „Москвитянинъ“, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что читатели подписываются на другіе журналы: въ этомъ „Москвитянинъ“, такъ же какъ и во всемъ прочемъ, похожъ на „Маяка“, какъ на родного брата. Что дѣлать? Любовь къ истинѣ и ненависть къ „Отечественнымъ Запискамъ“ — страсть сихъ четырехъ сердецъ и сего одного; „Маяка“. Страсть къ истинѣ доводитъ ихъ до неблагоразумія.

Я всякій разъ со слезами читаю, какъ иногда Ѳаддей Венедиктовичъ, другъ Платона, другъ Аристотеля, другъ Греча, но еще болѣе другъ правды, всенародно коритъ Николая Ивановича. Онъ забываетъ тутъ узы, связующія его съ Гречемъ, дѣлается страшень, дѣлается отрывистъ: „и ты, братецъ, — говоритъ — стыдно, братецъ, что ты мальчишъ что-ли? не видалъ, что-ли? не слыхалъ, что-ли?“... и поидетъ. Николай Ивановичъ дѣйствительно иногда заслуживаетъ порицанія — прерадикальный образъ мыслей, т.-е. либераль: то зачѣмъ Бонапарте сдѣлался Наполеономъ, то зачѣмъ во Франціи пишутъ объ Алжирской войнѣ, то зачѣмъ не заведутъ тамъ цензуры, то зачѣмъ во Франціи нѣтъ тѣлесныхъ наказаній: такъ, кажется, и сдѣлалъ бы революцію во всей Европѣ. А главное — Наполеонъ. Ѳаддей Венедиктовичъ за Наполеона всегда горой: онъ считаетъ Наполеона своимъ товарищемъ по службѣ, и нигдѣ не выдаетъ — черта прекрасная! Искренность Ѳаддея Венедиктовича развѣ только можетъ быть побѣждена правдивостью г. Погодина: Погодинъ до того откровенень, что напечаталъ такую исповѣдь о себѣ самомъ, подъ вымышленнымъ заглавіемъ „путевыхъ записокъ“, что исповѣди Руссо и Кардана ничего не значатъ въ сравненіи съ его исповѣдью: все рассказалъ, и

какъ платье покупалъ на бульварѣ, и какъ... и все это безъ всякой нужды, но одному благородному побужденію сердца. Грѣчь скрытенъ: какъ можно! онъ въ сердцѣ доносить до перы до времени и зло и добро, и не станетъ такъ болтать. Вообще у гг. Булгарина и Погодина осталась бездна дѣтскаго, наивнаго. Люблю я радужное привѣтствіе Фаддея Венедиктовича пирожику, открывающему лавочку, портному, начинающему шить платье,—точно онъ въ первый разъ кушаетъ пирожокъ. Люблю ребячій взглядъ Михаила Петровича на Еврону — взглядъ милаго ребенка: какъ онъ хорошъ у пятидесятилѣтняго старика! Имъ всегда отличались авторъ „Маремъ несадницы“ и авторъ „Дмитрія Самозванца“.

Посвящаю Виссаріону Григорьевичу

Бѣлинскому,

другу чети московской

и

петербургской чети не врагу,

Ш.

